

ИРИНА ПАРФЕНОВА

Лукоморье

Ирина Парфенова

Лукоморье

«Издательские решения»

Парфенова И.

Лукоморье / И. Парфенова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969224-5

Сказка о современной девочке 11 лет. У Киры похитили брата, ее мама исчезла, а сама она впала в кому, но это лишь часть проблем, которые ей придется преодолеть. Провинциальный городок Лукоморье оказывается полным тайн и волшебства. Кто друг, а кто враг? Время расставит все по местам.

ISBN 978-5-44-969224-5

© Парфенова И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Лукоморье

Ирина Парфенова

© Ирина Парфенова, 2019

ISBN 978-5-4496-9224-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Моего брата похитили, мама исчезла и никто не знал, где ее искать, а я впала в кому. Ничего так себе денек выдался! Нет, обычно мы ничем таким не отличались. Семья, как семья. Правда, давно не виделись с родственниками и вот решили съездить к ним в гости, в небольшой городок маминого детства. Удачно так повидались, нечего сказать! Однако, лучше начать с того момента, когда наш поезд подъезжал к станции назначения. Пока мы ехали, я все пыталась представить, что ждет нас в доме у бабушки. Вопросы кружились беспокойными хороводами: Почему столько лет никто из маминих родных не приезжал к нам ни разу? Из-за чего мама не возила нас в тот дом, где выросла сама? Что за странная блокада без звонков и писем? Может быть, они когда-то сильно поссорились? Тогда, что их помирило теперь? Будут ли нам там рады? Как долго мы пробудем в гостях? А есть ли у них дома wi-fi? И дальше всё то же самое в разных вариациях до бесконечности. Под перестук колес я не заметила, как уснула.

Сквозь сон пробился тихий мамин шепот: «Кира, вставай! Мы уже почти приехали». Так не хотелось выплывать из уютной, вязкой патоки сна. Только что можно было летать, как птица, без всяких там крыльев и законов аэродинамики. Стоит лишь сильно захотеть, встать на самые цыпочки, слегка взмахнуть руками, выпрямив их за спиной и... вот ты легко паришь над верхушками деревьев, крышами домов, ныряешь в пушистые перины облаков, рассыпанные в звенящей голубизне неба. И вдруг ничего этого нет, лишь перестук колес и привычная, монотонность покачивания вагона.

Открыв глаза, я увидела маму, накрывающую стол в нашем купе. Даже в поезде завтрак должен быть на уровне. Никаких походных перекусов с кусками всухомятку и крошками на коленках! Буквально из ничего возникал изящный уголок с неизменными атрибутами приличного дома – салфетками, фамильными чайными ложечками, торчащими из стаканчиков йогурта, и пузатого бочонка сахарницы. Домашние печенья одним своим видом будили зверский аппетит. Рука непроизвольно потянулась к ближайшему печенью и сразу в рот.

Чемодан и сумки уже готовы, стоят в проходе. Только Тимка продолжает спать, как ни в чем не бывало. Не буди лихо, пока оно тихо – точно про него придумали.

Я бесшумно соскользнула с верхней полки, стараясь не потревожить сон соседа-брата. Конечно, вот-вот придется поднимать и его, но так приятно продлить тихие утренние минуты, побыть вдвоем с мамой. Мы обе любили неспешную суету раннего утра. Можно почти не разговаривать, но понимать друг друга по взгляду и жесту.

– Оденешь эту куртку? – не говоря ни слова, спросила мама, показывая мне легкую ветровку.

– Нет, смотри, какой день и так тепло. – так же молча ответила я, кивнув на яркий квадрат окна, напоминающий свет прожектора.

– Проверь, ничего не забыла! – показала мама, похлопывая себя по отсутствующим карманам.

– Есть, мэм! – отсалютовала я, как военные в фильмах, и вытащила из-под подушки смартфон, с которым не расставалась ни на минуту. Без всего остального можно было обойтись, хотя... нет. Еще моя крутая камера, подаренная на последний день рождения, но в поезде нечего снимать, так что ее надежно спрятали в чемодан.

– Мы скоро приедем? А кто нас будет встречать? Мам, а что у нас вкусенького на завтрак? Где мой планшет? Опять Кирка куда-то засунула? – протирая заспанные глаза, выпалил брат, вскочивший, словно кто-то нажал кнопку «Включить» и запустил заводную игрушку.

– «Ну, началось!» – синхронно подумали мы с мамой. Фонтан вопросов пробился, прощай, тишина!

– Быстро все умываться, а потом за стол! Кира, давай-ка ты первая! А ты, Тимка, посиди пока!

– Нет, я первый! – и, выхватив полотенце, мальчик шмыгнул в дверь, прижимая к груди пакет с умывальными принадлежностями, и перепрыгивая через чемодан.

– Как лихо ты им манипулируешь, мам! – усмехнулась я, продолжая заплетать только что тщательно расчесанную копну русых волос. Пальцы привычно перебирали золотисто-русые пряди, которые отливались на солнце то ли карамелью, то ли медом.

– Никаких манипуляций! Метод от противного. Начни поторапливать нашего Тиму и заставляй что-то делать, до вечера не сдвинется с места, но стоит только попросить подождать... несется на всех парусах.

Так за разговорами и сборами пролетел завтрак, а спустя несколько минут поезд начал замедлять ход. За окном мелькнул перрон с неказистым, стареньким зданием вокзала. Некогда белые стены посерели от вьезшейся пыли. Только ряд пушистых ёлочек, выстроившихся, словно встречая почетного гостя, зеленел свежестью и новизной хвойного наряда, помахивая ветвями.

– Лу-ко-морь-е, – по слогам прочитал вывеску на вокзальном фасаде Тим и тут же повернулся к маме: Как в сказке у Пушкина? А дуб здесь есть? А коту можно будет погладить? А...

– Сбавьте обороты, молодой человек! Почему КАК в сказке? Я же говорила, что места здесь чудесные. Сказочно красивые! Сами все увидите.

– Мам, а почему мы раньше сюда не приезжали? – спросила я, с нескрываемой ноткой беспокойства в голосе. Мне не очень-то нравилась идея переезда в какую-то Тьму-Таракань, за тысячу километров от привычного дома, школы, подруг. Это Тимке все равно, в какую школу идти в первый класс, а у меня была налаженная жизнь с художественной школой, фигурным катаньем, двумя близкими подругами, плюс кучей просто хороших друзей. И что теперь? Начинать все с нуля в каком-то Лукоморье. Ну и что из того, что мама здесь выросла. Ведь раньше ее сюда не очень-то тянуло, нас даже ни разу не привозили к родному деду и тетке. Интересно, какие они... Похоже, мама не ладила с ними, судя по тому, что мы узнали об их

существовании лишь перед самым отъездом. Ни фотографий, ни звонков... ничего за столько лет! Очень все это подозрительно.

– Всему свое время. – как-то машинально, словно отделяваясь от навязчивых вопросов, ответила мама. Она нервно одернула свой новый ажурный свитер, связанный из голубой пряжи за те три дня, что мы провели в поезде. Потом решительно собрала в пучок темно-русые волосы, значительно темнее, чем у меня, теплого кленового оттенка, и заколола их гребешком со стразами.

Этот необычный гребень с очень длинными и острыми зубьями мама привезла из очередной зарубежной командировки. Она постоянно ходила с ним, словно тот был чем-то очень дорог. Старинного вида, с несколькими кристалликами, едва заметными в завитках узора, которые, вдруг, оживали под солнечными лучами. Вещь была очень прочная. Даже Тим с его даром ломать и разбирать на части все, что ни попадет в его изобретательные руки, не смог выковырять эти маленькие звездочки, хотя очень старался.

– Ну, вот мы и приехали. Посмотрим, кто нас встречает! Оперативная группа, на выход! – с этими словами мама легко подняла тяжеленную сумку, а в другой руке покатила чемодан. Мы с Тимом взяли за сумку поменьше.

Глава 2

На перроне было пусто. Нас не встречали. Опа, сюрпрайз! Кроме нашей дружной компании, на этой станции никто не выходил. День хоть и выдался солнечный, но для конца мая довольно прохладный. Казалось, что снег только-только растаял и воздух обдавал холодом.

Поеживаясь от настырного ветра, пробирающегося во все закоулки одежды, я жалела, что не взяла куртку, но старалась не показывать виду, что мне холодно. Зачем нарываться на многократно слышанное «я же тебе говорила!». В конце концов, мы не за Полярным кругом, и, надеюсь, не останемся ночевать на этом пустом полустанке.

Вдруг, откуда-то из-за спины раздался уверенный мужской голос:

– Вы Мария? – и, не дожидаясь маминого ответа, продолжил, одновременно принимая из ее рук тяжеленную сумку, – Здравствуйте! Я Константин, друг Вашей сестры. Василиса попросила меня проконтролировать ваш приезд.

Перед нами стоял очень высокий, солидный мужчина средних лет в строгом темном костюме при галстуке. Таких обычно показывают в новостях в окружении президента. Эдакий передвижной шкаф. Впрочем, одного взгляда в его глубоко посаженные стальные глаза хватило, чтобы понять, он не из массовки. Какой-то начальник. Даже наш бойкий Тимка слегка заробел и незаметно подвинулся поближе к маме, вроде как между делом, обхватив ее за джинсы.

– Вообще-то, Василиса поручила МНЕ встретить вас. – произнес симпатичный коренастый военный, образовавшийся из неоткуда, выхватив у мамы чемодан, и интонацией выделив слово «мне». – Добрый день! Позвольте представиться. Капитан Никита Добрынин. Друг Вашей сестры. – повернувшись к первому встречающему, он продолжил, – Господин мэр, а Вы что здесь делаете? Неужто с утра пораньше не нашлось дел поважнее?

– А это Вас не касается, капитан. Возвращайтесь на службу! Я провожу Марию Ильичну с детьми.

– Даже так? А позвольте полюбопытствовать, откуда Вы, вообще, узнали об их приезде? Василиса позвонила мне лишь час назад.

– Утром мы пообщались на экстренном совещании. Впрочем, я не обязан ни перед кем отчитываться. Прощу вас! – Последние слова были адресованы нам и сопровождались сдержанно-вежливой улыбкой.

Ничего себе, сам мэр лично пожаловал на вокзал, чтобы встретить нас! А кто же тогда моя тетя? Мама, вроде, говорила, что ее сестра – учительница. Похоже, тут не заскучаешь.

От такого поворота событий мы слегка растерялись. Мне даже показалось, что мама чего-то опасается и оглядывается по сторонам, нервно покусывая нижнюю губу. Зато Тимка не растерялся:

– А где третий? – нахально спросил он.

Встречающие недоуменно переглянулись, не понимая, о чем собственно речь. Оба уставились на маму в надежде получить разъяснение. Но она продолжала молчать, что совсем не характерно для ее активной натуры. Явно, что-то ее напрягло или испугало.

– Мне что самому эту сумку тащить? Вас двое, а вещей-то на троих. – нахально заявил Тимка.

Неловкость ситуации мгновенно была сглажена всеобщим смехом. Я заметила, такое часто бывает. Вроде бы ничего особо смешного не сказано, но от нервного напряжения у всех пробивается заразительный хохот. Хоть пальчик покажи и готовы, сгибаются пополам от приступов идиотского смеха.

– Василиса занята, как я поняла. А где мой отец? – озабоченно поинтересовалась мама. Дуги ее и без того изогнутых бровей поползли вверх.

– Илье Ивановичу пришлось срочно уехать по неотложному делу. – живо отозвался офицер, приглаживая аккуратные усики. – Завтра к вечеру должен вернуться. Вы не переживайте, Маша, скоро увидите. У Вашего отца все в порядке.

Странно, подумала я, какие такие срочные дела могут быть у полковника в отставке. Кажется, он был летчиком испытателем в молодости, но уже давно не летает, а пишет какие-то научные труды. Впрочем, подробности даже мама не знает. Еще бы, столько лет не виделись!

– Прошу к машине! – галантно произнес мужчина в костюме, указывая на огромный черный джип.

– Я отвезу вас, как и обещал Василисе, – поспешил перебить его Никита. – Здесь недалеко, за 10 минут доедем.

– Не стоит беспокоиться, капитан! Марии с детьми будет удобнее в моей машине.

Сказать по правде, на фоне шикарной машины «начальника» старенькое авто капитана заметно проигрывало даже в моих неискушенных глазах, но сам капитан был мне намного симпатичней. Будь моя воля, мы бы поехали с ним. Вот только мама, уступила напору мэра, хоть и с едва заметной заминкой. Наверное, ей было неудобно препираться с незнакомыми людьми и она решила уступить более мощному натиску.

Вещи погрузили во вместительный багажник, мы с братом запрыгнули на заднее сиденье, а мама, попрощавшись с молодым капитаном крепким рукопожатием, была заботливо усажена мэром на переднее сиденье. Константин отпустил своего водителя, напоминающего то ли бобра, то ли суслика, и сам сел за руль.

Всю дорогу мы ехали почти молча, с интересом посматривая по сторонам. Даже Тимка, замер и лишь внимательно смотрел в окно. С таким накалом концентрации он обычно погружается в свои любимые мультики. Чудеса да и только!

Город оставлял странное ощущение. Небольшие дома, вроде бы, новые, судя по пластиковым окнам и спутниковым антеннам, но в то же время было в них что-то старинно-сказочное. То ли стиль пряничного домика, то ли теремка. Все немного мультяшно-игрушечное что ли. Я бы не удивилась, если бы прохожие ходили здесь в косоворотках, лаптях, сарафанах и кокошниках, но все встречные были одеты в обычном современном стиле.

– Вы давно не были в наших краях? – ненадолго оторвавшись от дороги, спросил мэр маму.

– Почти 15 лет.

– Как Вам наши перемены? Бросаются в глаза?

– Невероятно, почти ничего не узнаю. Совсем другой город! А вот Ваше лицо мне знакомо, но никак не вспомню, где мы встречались.

– Поверьте, я бы не забыл такой встречи. – тут мэр бросил на маму такой долгий взгляд, что я успела заволноваться, как бы он не въехал в какой-нибудь столб. – Я приехал в Лукоморье лет 10 назад, так что мы точно не были знакомы. Увы. Скорее всего, Вы знакомы с моим отцом. Он сейчас живет и работает в Москве, а раньше был главой города. Касьян Лукич Бессмертин. Знакомое имя?

– Ах, вот оно что! Конечно, знакомо.

Тут же в маме что-то изменилось. Ее спина выпрямилась, в затылке и изгибе шеи чувствовалось напряжение, как у оленя, услышавшего приближение опасности. Дальше беседа, и без того не особо оживленная, вовсе не клеилась.

Наконец, машина свернула в небольшую аллею и остановилась у ажурных кованых ворот, за которыми виднелся старый, добротный дом с верандой. В нем не было ничего лубочного. Внушительный бревенчатый дом в два этажа, из тех, что встречались еще в конце XIX-го века. Вполне приличное родовое гнездо! Странно, но даже не входя внутрь, у меня уже возникло чувство, что мы дома.

Тут же вспомнилось объяснение моего старенького репетитора по английскому, когда он пытался втолковать мне отличие *house* от *home*: «Чаще всего люди называют то, что они строят, словом *house*, а по окончании строительства, когда начинают жить там всей семьей, называют его словом *home*. Это вполне естественно, т.к. *house* становится *home* только потому, что в нем живут близкие люди.»

Вот и здесь я четко почувствовала, что это наш дом. Но, стоп. Если дед в отъезде, а тетя Василиса даже не выбралась на вокзал, кто же нас впустит? Про других родственников мама не упоминала. Или я невнимательно слушала?

– Мааам, а ключ у тебя есть? – озвучил мой немой вопрос братишка. – Как мы в дом войдем?

– А ключ нам не нужен. Смотрите-ка, нас уже встречают! – радостно воскликнула мама и выпорхнула из машины.

Глава 3

Она обнимала какую-то пухлую старушку в белом платочке, целовала ее в щеки, чуть ли не плакала и повторяла: «Захарьевна... Захарьевна... как же я по тебе скучала!» Та отвечала ей охами и ахами, всхлипывая от счастья. Наконец, эта трогательная сцена перешла в стадию затишья, дошла очередь и до нас с братом.

– Какие же у тебя славные детки, Машенька! Радость-то какая!

– Это Кира. Ей 11 лет. – мама приобняла меня за плечи и легонько подтолкнула к уютной старушке, от которой шел легкий сдобный аромат, как от большой аппетитной булки. Ваниль? Корица? Все вместе и что-то еще.

– Иди сюда, красавица моя, – не успела я опомниться, как меня погрузили в сладкое тепло живой сдобы, сильные руки обняли и прижали меня к ситцевому платью в мелкий цветочек. Где-то сверху белел кружевной воротничок, а под ним алела нитка бус. Последовал чмок в макушку и меня отпустили.

– А это Тимофей. Ему 6 лет. – с гордостью произнесла мама, передавая растерявшегося Тимку в руки доброй старушки.

– Дед-то как рад будет! Вылитая его копия! Ты посмотри, те же глаза, тот же высокий лоб!

Тимка, не привыкший к таким фамильярностям, извивался ужом, пытаясь вырваться из цепкого кольца пышных рук. На мэра никто не обращал внимания. Он молча выгрузил наш багаж, поставил его у калитки и, заложив руки за спину, с высоты своего почти двухметрового роста наблюдал сцену встречи. Только тут старушка заметила его присутствие и мгновенно изменилась в лице. Мне даже показалось, что она забыла, как дышать.

– День добрый, Захарьевна! – поприветствовал он ее еле заметным поклоном головы и улыбкой, которую скорее можно было назвать ухмылкой.

Старушка как-то нехотя буркнула в ответ «добрый день» и тут же засуетилась, приглашая нас в дом. Похоже, мэр тут не пользуется особой популярностью. Впрочем, какое нам до него дело.

Наскоро поблагодарив его и попрощавшись, мы поднялись на веранду, где стоял огромный самовар на большом круглом столе. Блеск круглых боков настоящего, не электрического самовара затмевал все вокруг. Он величественно возвышался на хрустящей белизне скатерти, как солист на оперной сцене. Лишь привыкнув к его ослепительному виду, глаза начали замечать массовку чашек, вазочек с вареньем, тарелок со слойкой и пирожками.

– Машенька, поднимай вещи наверх! Ты даже не представляешь, как я рада, что вы приехали! Столько лет! Боже, сколько же мы все пережили и все из-за этого исчадья ада.

– Ничего... ничего, Захарьевна. Что было, то было. Главное, что все живы-здоровы и теперь снова вместе.

– Живы-то... да. – тут Захарьевна сделала паузу, тяжело вздохнула, но, словно передумав что-то говорить, махнула рукой и продолжила, – Деток разместим в вашей с Васелисой бывшей детской, а ты пока поспишь в библиотеке. Там удобный диван и шкаф для вещей есть. Устраивайтесь и спускайтесь чай пить! Я к вашему приезду пирогов напекла.

– Мам, это твоя Арина Родионовна? – едва только закрылась дверь в детскую, спросил Тимка.

– Если ты имеешь в виду не была ли она моей няней, то нет. Мы с сестрой уже учились в школе, когда Захарьевна появилась в нашем доме. Нянчить нас было поздно, а вот присмотр нам был нужен. Мамы уже не стало, отец вечно был занят на службе, порой неделями не появлялся дома, то войсковые учения, то долгие командировки, так что весь дом был на нашей доброй фее Захарьевне. – рассказывала мама, осматривая комнату, где жила в дет-

стве. В ее глазах даже показалась слеза или это мне померещилось. Сколько себя помню, ни разу не видела маму плачущей.

– Так ладно, хватит болтать! Ты, Тимка, осваивайся пока здесь, а мы с Кирой отнесем сумку в мою комнату. Не скучай! Мы скоро.

Мальчик бегло осмотрел просторную комнату с двумя металлическими кроватями, на каретках которых поблескивали латунные шары. Все вокруг: стены, пол и потолок были из светлого дерева. В углу стоял письменный стол с настольной лампой в форме тюльпана и глобусом, над столом шли ряды книжных полок. Ничего интересного, что тут осматривать. Вот разве что в окно выглянуть...

Из-за того, что комната находилась на втором этаже, под самой крышей, потолок опускался к бокам. Окно напоминало половину апельсинового кружочка, расположенного почти на уровне пола. Открыв одну створку, Тимка выглянул наружу, присев на широкий подоконник. За домом рос густой сад. Суперское место для игры в прятки! Чуть дальше за забором виднелся берег реки.

– Р-р-разве не пр-р-релестно? – раздался, вдруг, вкрадчивый голосок.

– Кто здесь? – мальчик оглянулся, никого не замечая поблизости.

– Здрррррравствуй, богатырррь. Меня зовут Миррра! – донеслось откуда-то сбоку и на окно мягко приземлилась изящная рыжевато-желтая кошечка. Она неспешно обошла мальчика, спрыгнула на пол у его ног и посмотрела снизу вверх жгучими зелеными глазами. Тимка онемел от такого внезапного вторжения.

– Наконец-то в этом доме появился настоящий мужчина!

– А дедушка разве не в счет? – попытался возразить польщенный мальчик, даже не успев удивиться довольно необычному для кошачьих умению говорить.

– Что от него пррроку, дома почти не бывает, кошек не любит...

– Ты говорящая? – задал глупый вопрос ошарашенный малец.

– Все животные умеют говорить, но не все владеют иностранными языками. Меня вот в детстве заставили учить человеческий. Пrrравильно заставляли, скажу я вам. Ни рrrраз прrригодилось.

– Ух, ты! Значит и я смогу выучить кошачий язык?

– Если повезет с учителем. Дерrrрай! Как тебя звать, герррой?

– Тимка. А где ...?

Но кошка не дала ему закончить вопрос, оборвав на полуслове. У нее были свои планы, в которые не входила многочасовая беседа. Изобразив жалобный взгляд, Мира тихонько промурлыкала:

– Нет ли у тебя чего-нибудь перrrрекусить?

Всем своим видом она показывала, что находится на грани голодного обморока, а то и смерти. Ну, у кого бы не дрогнуло сердце при взгляде на такое хрупкое создание, страдающее от истощения? Естественно, юный спаситель кинулся к двери со словами:

– Сейчас я принесу тебе молока. На кухне должно быть...

– Да подожди ты! Сам пей свое молоко, а мне нужно мя-я-ясо. – хищно блеснув глазами и облизываясь, капризным тоном сказала Мира.

– Ой, где же я его достану? Мы только что приехали, я еще ничего здесь не знаю.

– Зато я знаю. Там на кухне, высоко на плите возвышается чугунная сковорrrрода, а в ней скворrrрчат изумительные котлетки. Принеси мне парrrрочку и считай это платой за перrrрвый урок. Так уж и быть позанимаюсь с тобой языками. Но чурrrr – это наш секррррет!

Мы с мамой разложили кое-какие вещи в библиотеке, перебросились парой слов и зашли в детскую за Тимкой, чтобы вместе спуститься к столу. Комната была пуста. Ничего удивительного, какой мальчишка его возраста усидит на месте дольше 5 минут.

Вдруг, откуда-то снизу раздался грохот, а потом оглушительный Тимкин рев, словно его режут живьем. Нас, словно ветром сдуло с верха лестницы. Как только ноги не переломали, пока неслись в сторону кухни.

– Что случилось?

– Где болит?

– Ты цел?

Выпалили мы в три голоса, подлетев, одновременно с Захарьевной, к эпицентру событий. Тимка сидел на полу около перевернутой табуретки, а рядом валялась крышка от сковороды и котлетные обломки. Не переставая реветь, братец нес что-то маловразумительное:

– Кошка очень проголодалась. Я хотел покормить. А крышка горячая, выскользнула... по ноге... а котлета обожгла пальцы... Я не хотел... но кошечка голодная... жа-а-алко ее.

Мама мгновенно сориентировалась, подняла раненого с пола, переключила вой сирены в режим тихого всхлипывания путем каверзных вопросов. Тут главное действовать быстро и суметь отвлечь внимание от боли, направив его на что угодно. Как говорят психологи, хочешь успокоить человека – удиви или разозли его.

– Какой породы кошка?

– Не знаю, обычной. – все еще хлюпая носом, прогундел Тимка.

– А котлеты рыбные или мясные?

– Я не знаю. – удивление во взгляде и попытка понять, а какая разница.

– Что же ты так несерьезно к делу относишься! А, вдруг, эта кошка ест только куриные котлеты, а тут, к примеру, щучьи. Ты бы расспросил ее получше! – не замолкая ни на минуту, мама смазала ожоги мазью, которую подала ей Захарьевна, наложила повязку на руку и пластырь на ногу, перенесла горемыку на диван в гостиной и усадила его к себе на колени.

– Она сама попросила принести ей этих котлет.

– Прямо таки и попросила? – усмехнулась мама.

– Ага, «Голосом молвит человеческим» – процитировала я Пушкина. Ну, не могла удержаться и не съязвить. Терпеть не могу, когда врут и выкручиваются. Натворил что-то – сам отвечай, а не вали на сказочных персонажей!

– Ладно вам наезжать на мальчишку! – заступилась Захарьевна, – Все в жизни бывает: и кошки, вдруг, заговорят и котлеты летают.

– А как вашу кошку зовут? – спросила я.

– Нет у нас никакой кошки, деточка. А вот пироги у меня уже стыннут. Давайте-ка к столу! Василиса звонила, вот-вот подъедет. Слава Богу, все у них в школе утряслось.

– А что там произошло?

– Вон у нее самой и спроси! Слышите, подъехала.

И, правда, послышался замолкающий шум мотора подъехавшей машины, которую не было видно из гостиной, потом раздался хлопок дверью, но звука шагов не последовало. Может, тетя Василиса, в отличие от мамы, не носит каблуков?

Глава 4

Каблуки ей и правда были не нужны. Василиса не вошла в комнату, а въехала на коляске, управляемой при помощи джойстика. Ее внешность напоминала то ли средневековую королеву, то ли античную мраморную статую. Такое же величественно-отстраненное выражение лица. Но при этом живые, добрые глаза, словно сдерживающиеся от смеха. С ее появлением в комнате, словно стало светлее.

Мама вскочила с дивана, почти отбросив Тимку в угол на плюшевую подушку. Загодя засиявшая улыбка предвкушения радостной встречи застыла, создавая странный диссонанс с выступившими в ее огромных глазах слезами.

– Что с тобой случилось? Как? Когда? Почему мне никто не сообщил? – выпалила она на одном дыхании и бросилась обнимать Василису.

– Полегче! Не задуши меня, ненормальная! – со смехом в голосе проговорила та, пытаясь успокоить сестру. Она нежно гладила ее по растрепавшимся волосам и приговаривала, – Все потом! Все потом! Тихо! Тихо! Наконец-то, ты приехала! – она улыбнулась нам с братом и поправилась, – Вы приехали!

– Как давно это случилось?

– В тот день, когда тебе пришлось уехать, сестренка. – со светлой грустью в голосе ответила она.

– Но почему мне не сообщили? Я имела право знать.

– А смысл? Что бы изменилось? Ну, хватит. Успеем еще наговориться. Я про тебя тоже много чего не знаю. Как ты жила все эти годы? Кто эти дивные создания? – тут тетя вновь улыбнулась нам с Тимкой – Познакомишь нас?

Дальше все понеслось, как по накатанной. Мы перезнакомились, обменялись кучей вопросов. Беседа лилась бурной горной рекой, не спотыкаясь о пороги неловкости или натянутую дамбу вычурности, которую взрослые порой любят выстраивать в разговорах с детьми. Всем было легко и уютно в нашей свежее сколоченной компании.

Я смотрела на смеющиеся лица мамы и ее сестры, поражаясь их сходству и, в то же время, различию. С одной стороны, почти одни и те же черты: идеальный овал лица, большие темно-синие, выразительные глаза с пышным веером ресниц, небольшой прямой нос, четкая линия подбородка под чуть полноватыми губами изящного рта.

Такие лица можно увидеть на полотнах Карла Брюлова. В прошлом году мы с классом ездили на экскурсию в Ереван. И там, в национальной картинной галерее, я не могла поверить своим глазам. Передо мной висел портрет моей мамы, у которой почему-то вместо ее темно-русых с медным оттенком волос были почти черные кудри. Она сидела на фоне красного дивана, с тонким меховым шарфиком вокруг шеи, в платье из тяжелого синего бархата, со светлой накидкой, отороченной мехом. И ниже была надпись: Карл Брюллов. Портрет М. А. Бек. 1840. Теперь же я видела, практически, оригинал этой картины в лице своей тети. На ней даже была туника цвета индиго.

Они с мамой напоминали одну и ту же фотографию, обработанную в Фотошопе. Мама работала дизайнером и учила меня пользоваться этой программой. Особенно мне нравилось «играться» с фотографиями, преобразуя их, то в нежную акварель, то в набросок карандашом, то в отпечаток на стене, а то в старинный холст, написанный маслом. Так вот, если маму можно было сравнить с акварельным рисунком, где все краски слегка размыты и неброски, то Василиса была вариантом, выполненным маслом. Предельная насыщенность красок.

– Что ты преподаешь? Наверное, свою любимую химию? – поинтересовалась мама. – Из наших учителей еще кто-то остался?

– Всё понемножку преподаю, по обстоятельствам. – улыбнулась тетя, отпив из своей чашки очередной глоток чая. – Из наших еще работают Колобок и Кикимора.

– Ух ты, настоящие? – вклинился в разговор Тимка.

За тетю ему ответила мама:

– Зинаида Фридриховна Кики-Мора вела у нас математику, а Борис Михайлович Колобок был географом. Он любил рассказывать про свое детство, как убежал из дома, от бабушки, от дедушки, от участкового и все хотел добраться до Африки, но так и не съездил туда до сих пор.

– Все так и есть. Постарели, конечно, но нрав все тот же. Зинаида Фридриховна живет с нами по соседству. Непременно встретитесь с ней, хотя... удовольствия от таких встреч не много.

Василиса почти не прикоснулась к пирожкам, пирогам и прочим блюдам, которые мы с Тимкой уплетали с неприличной скоростью, будто нас недели две не кормили. Мой братец даже не успевал задавать свои бесконечные вопросы, настолько его увлек калейдоскоп вкусов. Нет, вы только не подумайте, что у нас дома не водились пирожки! Мама умела и любила готовить. Но сейчас на нас обрушилось такое изобилие вкусностей, что контроль разума был потерян. Захарьевна то и дело поддвигала к нам то одно, то другое, повторяя, «А это что ж не попробуешь?». Прервав процесс закармливания всего на минуточку, она с гордостью выдохнула:

– Василиса у нас уже 7 лет, как директор школы!

– Так к тебе теперь только по отчеству надо обращаться? – поддела ее мама.

– Непременно! – улыбнулась в ответ директриса, – и не забывайте приседать в реверансе!

– А что у вас случилось такого, что ты даже не смогла встретить нас или, просто, решила сгладить первый момент, пощадила мои нервы?

– Прости, но о твоих чувствах мне совсем некогда было думать. Вчера на факультативе по химии у молодого педагога произошло ЧП.

– Нечаянно школу взорвали? – вставила я с иронией.

– Нет. Обошлось без взрывов. При лабораторной работе на тему «Жидкости, преобразующие вещества в невидимую субстанцию» произошла утечка газа из спец баллона и весь 9-й класс, включая учителя, превратился в невидимок.

– Шутите? – у Тимки аж рот открылся от удивления и он забыл о еде, – Такого же не бывает, да, мам? – он повернулся к ней за поддержкой. В его возрасте еще легко верить в сказки, Деда Мороза, говорящих котов, но уже не хочется выглядеть смешным, наивным малышом в глазах взрослых.

– Бывает. Но обычно используют минимальные частицы этого газа. Мы тоже делали подобные опыты в школе.

– Да, Маша, наши мечты о том, чтобы стать невидимками так и не осуществились, а этим вот «повезло».

– И что же вы сделали?

– А что тут поделаешь? Действие газа длится 24 часа. Пришлось ждать. Детей и учителя изолировали в классе, чтобы избежать несчастных случаев. Это только в книжках весело быть невидимым и, якобы, всемогущим, а в жизни одни проблемы. На улицу не выйти – машина собьет или прохожий налетит. Каждая дверь – опасность. Да что там говорить...

– Могу себе представить, какой переполох устроили родители! – с озабоченным видом произнесла мама. По ее лицу было видно, как она хмурится, примеряет эту необычную ситуацию на себя, представляя нас с Тимом невидимками. С ним и в видимом режиме проблем не оберешься, а в бесконтрольном состоянии абсолютной свободы получилось бы убийное оружие массового уничтожения.

– Некоторые из родителей с пониманием отнеслись к ситуации и готовы были терпеливо ждать. А вот другая часть затеяла скандал, подняла шум на весь город, дошла до мэра и требовала закрыть школу. Несколько часов пришлось вести с ними переговоры, доказывая, что из-за единственного промаха нет смысла рубить под корень стоящее дело экспериментальной школы.

– И чем все закончилось? Кстати, мэр встретил нас, как ты и просила.

– Что? Костантин Касьяныч был на вокзале? Странно. Я просила Никиту. Ладно, разберемся. А в школе все пришло в норму. Паника сошла на нет. Дети визжат от восторга. – Василиса вскинула голову, будто отгоняя какую-то навязчивую мысль. Ее крупные серьги с сине-нево-синими камнями плавно закачались, сверкая завораживающим светом.

– Еще бы, такое приключение! И я бы хотела побыть невидимкой!

– И я! – поддержал меня брат.

– Нет уж, увольте! Хватит с меня невидимок! – тетя Василиса устало улыбнулась и тихо закончила, – что-то я устала, совсем сил нет. Надо прилечь.

– Еще бы не устать, больше суток дома не была! – проворчала Захарьевна.

– Все-все уйду. – улыбка Василисы, сопровождавшаяся извиняющимся взглядом, скользнула по каждому из нас, словно прощаясь. – Маш, пойдем в мою комнату, посекретничаем!

– Конечно, иду. Нам столько надо выяснить! Только тебе и, правда, отдохнуть не мешало бы.

– Не стеклянная, не ломаюсь.

– Смотри... а то давай до завтра отложим все разговоры.

– Нет уж. Я сто лет тебя не видела и опять ждать?

– Хорошо, выпровожу свою саранчу в сад и приду. – мама поцеловала сестру в щеку и повернулась к нам:

– А вы, обжоры, ступайте-ка на воздух поиграть! Осмотритесь, что тут есть!

На выходе Захарьевна, заговорчески улыбаясь, тайком сунула нам с братом по несколько конфет. Я тут же закатила глаза к небу, всем видом показывая, ну зачем еще это, сколько можно есть. А вот братец взял их, сияя довольной улыбкой.

Глава 5

На улице заметно потеплело, по сравнению с утренней изморосью на вокзале. Я оглядывалась вокруг, все еще не очень веря, что нам придется жить здесь и, возможно, долго. Сад как сад, не видать ни аленького цветочка, ни Жар-птицы на ветвях, ни гномов, ни эльфов... Тимка сразу рванул куда-то в дебри по своим неизменно важным мальчишечьим делам.

Вдали я заметила очертание беседки, увитой плющом, и почти не видимой за плотными рядами яблонь и вишен. Посмотрим-ка, что там внутри! Посыпанная песком тропка привела прямо к зеленому строению, возвышавшемуся на каменном основании с семью ступенями. Нижний бортик был выложен из бревен и доходил мне до пояса, а выше шли деревянные колонны. Не столбы, я не оговорила, а именно колонны из стволов живых деревьев. Их не срубили, а объединили в единое сооружение, используя богатую зелень крон, как крышу.

Внутри стоял стол и две лавки. Попробовала присесть на одну из них – жестко. Эх, сюда бы кресло-качалку! Вдруг, лавка подо мной начала плавно покачиваться. Ой, мамочки! Что это? Я глянула вниз и не увидела ножек. Оказывается, обе лавки подвешены на веревках к крыше, если можно ее так назвать. Да и веревки ли это? Скорее напоминают лианы. Жаль, что столик и ограждение не позволят раскачаться на всю мощь, как на качелях! Словно услышав мои мысли, стол мягко и бесшумно сложился. Он прилёг, как умная собака у ног хозяина, почти сравнявшись с полом. Одновременно с ним бревна бортиков приспустились за каменный пол беседки. Так же легко скатывался соломенный занавес в хижине у наших индийских друзей, когда мы гостили у них прошлой зимой.

Постепенно лавка начала набирать скорость. Я не из тех девчонок, кто боятся высоты и чуть ли ни сразу, присев на качели, начинают визжать от ужаса. Но от такой крутой амплитуды руки сами собой вцепились в лианы, а глаза стали, как у испуганного лемура. Спустя несколько судорожных вдохов я начала дышать ровно, успокоилась и погрузилась в чарующую магию свободного полета. Полный Восторг и Радость бытия! В какой-то книге я прочитала, что наиболее редко испытываемое чувство вызывает наибольший восторг. Нет, все же мама права. Слишком уж я люблю поумничать, докопаться до самой сути вместо того, чтобы наслаждаться простым процессом катания на качелях. Стоит закрыть глаза, и вот я уже лечу, как часто бывает в моих снах, высоко-высоко над землей. Ветер ласкает лицо, на душе спокойно и радостно, все мысли выдувает... голова легкая и пустая. Пустая? Совсем? Стоп! Да так и в полную дурочку можно превратиться. И вообще, хорошего помаленьку. Как у них тут отключается этот аттракцион? Алло, гараж, я схожу на этой станции!

И снова качели проявили исключительную чуткость. Тут же они начали сбавлять обороты, аккуратно опустив меня на пол. Уф! С приземлением! Ничего себе чудо техники со встроенными телепатическими элементами! Если бы мама не успела показать мне в доме лампу на светодиодах, которая распускается, как цветок, и начинает светить, как только темнеет, а при свете дня тухнет и сворачивается в бутон, то я решила бы, что здесь не обошлось без магии. Всё это изобретения бабушки. Но все же, от греха подальше, я решила поскорее отойти на безопасное расстояние от мудреного агрегата. Кто его знает, какие еще сюрпризы в нем таятся. Пока не узнаю, лучше не рисковать.

Ноги сами понесли меня поближе к дому. Я решила обойти вокруг и заодно найти Тимку, пока он не натворил что-нибудь. Не успев сделать и десяти шагов, я наткнулась на взъерошенного брата. Вернее, он сам налетел на меня с какой-то переполнявшей его информацией. Всем своим видом он сигнализировал, что новость исключительной важности и наивысшей секретности. Но, не смотря на угрозу взорваться от нетерпения, Тим потащил меня подальше от дома, где, укравшись за кустами малины, наконец-то, выпалил:

– Я знаю, что случилось с тетей! Она сказала маме, что...

– Ты подслушивал?

– Нет, я гулял за домом и случайно услышал, окно было открыто и они громко говорили.

– Все равно, это нехорошо подслушивать! Надо было тут же отойти.

– Да подожди ты, Кирка, не перебивай! Там такое! – и Тим театральнo-трагическим жестом схватился обеими руками за голову.

Я решила дать брату высказаться и набралась терпения. Вдруг, ему и правда удалось что-то узнать. В последнее время мы живем в окружении сплошных загадок и тайн. То папа уехал в какую-то слишком уж длительную командировку, из которой не звонит и не присылает e-mailов, а нам запрещено даже расспрашивать, где он. То мы, вдруг, сорвались в один миг и сбежали из нашего города, словно за нами гонятся. Мама ничего не рассказывает. Думай, что хочешь. А неизвестность – хуже всего.

– Ладно, что ты там узнал? Только не части, говори спокойнее!

– Так вот... Оказывается, много лет назад Кощей похитил нашу маму и хотел на ней жениться, а тетя Василиса...

– Что за сказки ты мне рассказываешь? Какой еще Кощей?

– Ничего я не выдумываю, что слышал, то и говорю. Не перебивай! – брат обиженно надулся, но тут же забыл про обиду и зачистил, как пулемет: Тетя Василиса сделала все возможное, чтобы освободить нашу маму, но за это Кощей наложил на нее заклинание. Она постепенно теряет силы и в конце концов совсем окаменеет. Ничто не может остановить или отменить это страшное проклятие.

– А что сказала мама?

– Она даже повысила голос и сказала, что не будет сидеть, сложа руки, и смотреть, как гибнет ее сестра, не оставит этого так, вот только спрячет нас в место понадежней и все исправит.

Если уж мама повысила голос, ситуация и правда исключительная. Обычно она, невзирая ни на какие обстоятельства, сохраняет полное спокойствие и одним своим видом может утихомирить скандалящую толпу. Она учила нас азам поведения: *«Настоящий аристократ должен быть сдержанным, обладать чувством собственного достоинства, но при этом корректно обращаться с окружающими независимо от их положения в обществе»*.

Сдержанность исключала любые всплески вроде истерик, капризов, кислых мин по утрам. У тебя плохое настроение, не хочется вставать и идти в школу? А зачем омрачать утро самым близким? Они виноваты? Нет! Борись со своими слабостями и улыбайся, хоть через силу заставь себя, а там, глядишь, и хандра пройдет, если не давать ей волю.

В одном современном детективе автор дал определение такому воспитанию:

«Аристократизм – это выработанная веками система выживать в любых условиях и при этом все время оказываться наверху. Аристократическое воспитание существует не для того, чтобы научить мальчиков шаркать ножкой, а девочек делать книксен. Нас с малолетства, словно охотничьих собак, натаскивают, как себя вести в любой ситуации. Это дополнительная защита, универсальное оружие.»

Вот и родители всегда ставили нас на место, не поощряя слез и жалоб. Сердобольные тетушки во дворе считали нашу маму чуть ли не бессердечным извергом, когда она не кидалась к упавшему Тимке, ревущему, как все малыши его возраста, начинающие ходить и набивающие себе шишки. А уж сколько охов вызывала наша чересчур легкая одежда! Не буду врать, босыми по снегу мы не бегали, но и кутать нас в сто одежек мама не старалась. Впрочем, что-то я увлеклась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.